

Королева Екатерина Сергеевна

**ПОНЯТИЕ ВРЕДА В ПРАВЕ:
ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ**

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание

ученой степени кандидата юридических наук

Работа выполнена в федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего образования
«Саратовская государственная юридическая академия»

Научный руководитель – доктор юридических наук, доцент
Суменков Сергей Юрьевич

Официальные оппоненты: **Малиновский Алексей Александрович**
доктор юридических наук, профессор,
ФГАОУ ВО «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации», заведующий кафедрой теории права и сравнительного правоведения

Ромашов Роман Анатольевич
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки Российской Федерации,
НОУ ВПО «Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов», профессор кафедры теории права и правоохранительной деятельности

Ведущая организация – Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»

Защита диссертации состоится «19» ноября 2026 года в 15 час. 30 мин. на заседании диссертационного совета 24.2.390.02, созданного на базе федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Саратовская государственная юридическая академия» по адресу: 410056, г. Саратов, ул. им. Чернышевского Н.Г., зд. 104, стр. 1, зал заседаний диссертационных советов.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Саратовская государственная юридическая академия» и на сайте: <http://test.ssla.ru/dissertation/dissert/09-09-2026-1d.pdf>

Автореферат разослан «___» _____ 2026 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат юридических наук, доцент

В.В. Нырков

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы диссертационного исследования. Регуляция общественных отношений всегда опирается на представления о должном и сущем. В зависимости от жизненных обстоятельств, окружающей среды, условий эпохи и мировоззренческих установок их соблюдение является своеобразной детерминантой в образовании социального строя.

Государство, исходя прежде всего из морально-нравственных предписаний, интегрирует в правила поведения маркеры, позволяющие определить базовые установки существования и развития социума. В современной России подобные нравственные ориентиры выражаются в форме традиционных ценностей, получивших свое нормативное закрепление¹. Значимость последних обуславливает назначение ответственности за их нарушение. Тем самым при помощи социокультурных надстроек создаются предпосылки для осмысления соответствующих деяний как негативных, наносящих вред государству, обществу, личности. В результате вред объективируется в первую очередь через действия как результат наступления отрицательных последствий.

Если право концентрирует в себе блага, подразумевающие пользу, то вред выступает в качестве универсального антипода полезности. Поэтому посредством юридической регламентации вреда устанавливается система запретов и ограничений, необходимых для предупреждения и минимизации опасного поведения. Именно этим и объясняется роль вреда как элемента дисфункции устоявшегося порядка.

Актуальность заявленной темы состоит в том, что вред неизменно сопровождает правовое регулирование, будучи прямой противоположностью благ, защищаемых и гарантируемых правом. Наличие вреда свидетельствует о диссонансе общественных отношений и, как следствие, искажении должного состояния. Подобного рода дефектность отрицательно сказывается на эффективности права, а также восприятию государства, деятельность которого априори направлена на предотвращение либо нивелирование вреда.

Между тем, несмотря на очевидную важность изучения феномена «вред», научные изыскания, посвященные исследованию вреда, характеризуются пробельностью, порождающей многочисленные проблемы.

Сказанное детерминирует необходимость познания вреда в общетеоретическом ракурсе, особенно актуальном в контексте сложной природы вреда, регламентируемого нормами различных отраслей права.

¹ См.: Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: утв. Указом Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 // СЗ РФ. 2022. № 46, ст. 7977.

Лакунарность в подходе к вреду в общей теории права детерминируется отсутствием единой устоявшейся дефиниции, его отличительных признаков и форм проявления, видовой дифференциации, критериев и методологии оценки вредных последствий.

Трудности, обусловленные существованием вреда, имеются и в юридической практике. Среди основных практических проблем, связанных с правотворческой объективацией вреда в праве, стоит выделять абстрактность и неопределенность нормативного текста, регламентирующего вред. Необходимо обратить внимание на противоречивый и сугубо отрывочный характер описания того, что следует подразумевать под вредом в правовом континууме. Это усугубляется также вариативностью юридико-лингвистического значения слова «вред», коррелирующей с неизбежной эволюцией государства и права.

Отклонения в понимании вреда приводят к невыполнимости целей и задач правореализационного процесса, что в конечном итоге может приводить к ошибкам в деятельности субъектов правоотношений, прежде всего правоприменителей. Особо критичную роль подобные отклонения играют при институциональном установлении критериев криминализации и деликтной ответственности.

Изложенное свидетельствует о целесообразности отдельного самостоятельного изучения вреда, его места и роли в правовой регламентации. Подобного рода вывод подтверждается тем, что вред выступает неотъемлемым компонентом объективной реальности и предельно распространен в положениях многочисленных нормативных актов.

В итоге следует констатировать, что тема диссертации злободневна, отвечает требованиям актуальности теоретических изысканий, востребована запросам юридической науки и практики.

Степень научной разработанности проблемы. Многогранность вреда, способствующая его проявлению в различных сферах реальности, обусловила его анализ представителями различных наук (в частности, астрономии, географии, информатики, медицины, экологии). Неординарная природа вреда детерминировала его исследование представителями различных философских школ и направлений. Наличие вреда в социальных, политических, экономических процессах стимулировало познание специфики вреда в указанных сферах.

В юриспруденции вред исследовался учеными с позиции отраслевых наук, прежде всего гражданского и уголовного права.

Традиционно вопросы присутствия вреда в правовой регуляции рассматриваются в цивилистике (Н.С. Артеменко, А.М. Белякова, С.А. Беляцкий, Е.С. Болтанова, Б.А. Булаевский, З.В. Вешкурцева,

В.А. Воробьев, Е.В. Гаврилов, И.И. Гаранин, Ю.Ю. Гарцева, В.В. Дубровин, К.В. Егоров, Л.С. Зелимова, А.И. Ибрагимова, С.В. Картошкин, М.В. Кратенко, А.Т. Мальсагов, Ю.Э. Монастырский, В.С. Романов, Е.В. Рузанова, А.Т. Табунщиков, В.Г. Фомина, С.А. Хуснутдинова, Е.В. Чинчевич, А.С. Шевченко, А.М. Эрделевский).

Различные аспекты вреда в уголовном праве освещаются в своих публикациях такими авторами, как Н.В. Анисимова, И.В. Бондаренко, С.В. Землюков, Ю.В. Зиненко, В.А. Казакова, В.Д. Ключин, Д.В. Немтинов, Г.С. Шкабин.

Надо отметить, что подходы к осмыслению вреда осуществляются в области административного права. В связи с этим можно обозначить работы Г.П. Бутюгова, И.И. Головки, Э.В. Голоманчука, З.И. Магомедовой, И.В. Пановой.

Многообразие вреда и его непосредственное воплощение в соответствующем объекте правового регулирования содействовали осмыслению различных вариаций вреда: экономический (К.А. Амиянц), моральный (М.К. Брагин, О.В. Сазанкова), информационный (Н.Г. Муратова), физический (В.В. Очаров), экологический вред (О.И. Шарно).

В общей теории права преимущественно изучались вопросы блага и ценности, а не вреда как их противоположности (П.П. Ланг, Р.А. Ромашов, Г.Т. Чернобель). В контексте исследования злоупотребления правом о вреде упоминали Н.А. Дурново, А.А. Малиновский, А.Е. Наумов, Е.А. Одегнал. Корреляции юридической ответственности и вреда уделяли внимание С.Н. Ивахненко, Д.А. Липинский, Г.А. Прокопович.

Не умаляя важности предшествующих научных достижений, следует констатировать, что анализ вреда в общей теории права проводился только в контексте рассмотрения иных смежных вопросов.

Тем самым можно резюмировать отсутствие отдельной работы монографического плана, непосредственно направленной на освещение проблематики существования вреда в праве.

Объектом исследования являются общественные отношения, своеобразие которых обусловлено проявлением юридически значимого вреда.

Предмет исследования включает в себя генезис вреда в историко-правовой мысли и законодательстве, его дефиницию и отличительные характеристики, критерии дифференциации, определение меры и степени вреда, дилеммы юридической регуляции вреда.

Цель и задачи исследования. Цель диссертации состоит в разработке основ концепции о вреде в праве, включающей в себя общетеоретические

аспекты эволюции вреда как феномена отрицательного свойства, понятие и признаки вреда, основания его классификации, выявление практических проблем и предложения по их нейтрализации.

Для достижения указанной цели предполагается выполнение следующих **задач**:

- установление места и роли вреда как компонента объективной реальности;
- осуществление исторического анализа философско-правовых представлений о вреде;
- освещение трансформации вреда в зарубежном и российском законодательстве;
- формирование авторской дефиниции вреда и выделение его отличительных признаков;
- проведение классификации вреда в праве;
- раскрытие специфики меры и степени как количественной и качественной характеристик вреда;
- выявление препятствий правотворческой фиксации вреда в юридических нормах и своеобразия их реализации;
- создание рекомендаций, способствующих надлежащей и эффективной регуляции вреда.

Методологическая основа исследования. Основным методологическим инструментарием при написании диссертации стал диалектико-материалистический подход. С его помощью удалось диагностировать наличие и корреляцию в онтологическом дуализме таких категорий, как «добро – зло», «благо – вред», «польза – вред». Было также выявлено соотношение абстрактного и конкретного в понятии и природе вреда, определенности и неопределенности правовой регламентации вреда.

Помимо диалектико-материалистического подхода используется ряд других методик. Среди всего их многообразия можно проиллюстрировать следующие.

Исторический метод содействует изучению исторической ретроспективы вреда в качестве универсального маркера должной правовой регуляции и освещению эволюционных этапов его становления в российском и зарубежном законодательстве.

Логический метод позволяет обнаружить закономерности в корреляции вреда с иными правовыми явлениями, установить значимость причинно-следственной связи между наступившим вредом и деянием соответствующего субъекта.

Системно-структурный метод способствует рассмотрению структуры различных вариаций вреда, наглядно отражающей его динамичность и полиморфичность.

Функциональный метод помогает раскрыть направления воздействия вреда на надлежащее состояние общественных отношений.

Герменевтический метод обеспечивает последовательное выявление семантического своеобразия слова «вред» в ходе его последовательной трансформации от узкого определения к многоаспектной дефиниции.

Сравнительно-правовой метод дает возможность провести демаркационную линию между подходом к понятию вреда и оценке его наступления и последствий.

Формально-юридический метод помогает в дефинировании вреда в праве, выявлении и градации его признаков.

Теоретическая основа исследования. В качестве теоретического базиса диссертации использовались работы таких ученых, как М.М. Агарков, С.С. Алексеев, М.И. Байтин, В.М. Баранов, С.А. Белоусов, С.В. Бошно, А.М. Васильев, В.И. Гойман, В.Б. Исаков, Д.А. Керимов, В.В. Лазарев, О.Э. Лейст, Н.С. Малеин, А.А. Малиновский, А.В. Малько, Г.В. Мальцев, Н.И. Матузов, И.Н. Сенякин, В.Н. Синюков, А.К. Стальгевич, М.С. Строгович, В.М. Сырых, Ю.А. Тихомиров, Н.Н. Черногор.

Проблематика в установлении семантического содержания вреда и его объективация в положениях нормативных правовых предписаний детерминировали обращение к исследованиям лингвистического характера, а в процессе последующей разработки темы – к трудам юридино-лингвистического плана, непосредственно затрагивающим вопросы нормотворческой объективации (Л.Ф. Апт, Н.А. Власенко, В.Ю. Туранин).

Многогранность и многоаспектность правовой категории «вред» позволили апеллировать к публикациям представителей отраслевых юридических наук. В работе используются достижения таких сфер знаний, как философия, астрономия, география, информатика, медицина, политология, психология, социология, экономика, экология, этика.

Нормативно-правовая основа исследования. В качестве нормативной основы диссертации служат классические источники (формы) права, прямо закрепляющие юридическую регламентацию вреда. Превалирующее значение среди них имеют нормативные правовые акты, определяющие порядок и условия констатации вреда и в большинстве случаев ответственность за его причинение. Нормативные документы, регламентирующие отношения в связи с вредом, разноплановы, состоят как из законов, так и подзаконных актов федерального, регионального, местного

и локального уровня. В нормативный базис исследования вошли также многочисленные исторические памятники права, регулирующие отношения по поводу причинения вреда в соответствующий темпоральный период.

Эмпирическую основу исследования составляют правореализационные акты, направленные прежде всего на применение норм права, фиксирующих различные аспекты наступления, оценки и возмещения.

К числу данных актов относятся акты Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ, судов общей юрисдикции и арбитражных судов. Кроме того, в эмпирическую основу входят распорядительные акты Президента РФ, Правительства РФ, Министерства здравоохранения РФ, Министерства финансов РФ, Министерства природных ресурсов и экологии РФ и других государственных органов исполнительной власти.

В отдельную группу инкорпорированы международные и региональные транснациональные соглашения.

Научная новизна исследования детерминирована тем, что феномен «вред» в праве изучается как автономное правовое явление, в связи с чем устанавливаются его роль и значение как итоговое воплощение последствий отрицательного характера, которые нормативным образом регламентированы в юридических предписаниях.

Новаторство заключается в предлагаемом тезисе о превалирующей роли философских учений в раскрытии и обосновании онтологической сущности вреда, что нашло отражение в законодательстве государств различных исторических эпох.

Квинтэссенция диссертации состоит в доминантном восприятии вреда как самостоятельной правовой категории, которая консолидирует смежные компоненты объективной реальности в целостную конструкцию, закрепляющую критерии криминализации и деликтной ответственности юридически значимого поведения.

Оригинальностью работы выступает предложенная авторская общетеоретическая дефиниция «вред» в праве, а также проведенная дифференциация признаков вреда, подразделяемых на обязательные и факультативные.

Нетривиальной новеллой является попытка определения количественной (меры) и качественной (степени) оценки критериев вреда в праве. Их диалектическое единство гарантирует надлежащее восприятие причиненного вреда как негативного результата.

Акцентируется внимание на уточнении юридических механизмов компенсации вреда, что позволяет обосновать формы и виды его фактического выражения.

Своеобразием отличаются основания классификации вреда, зависящие от многочисленных и разнообразных критериев как объективного, так и субъективного плана.

Новшество заключается в исследовании вреда в непосредственной связи с правотворческой и правореализационной деятельностью, призванной предотвращать либо нивелировать его наступление. Тем самым провозглашается основополагающий вектор правовой регуляции, заключающийся в привнесении пользы субъектам общественных отношений.

Основные положения, выносимые на защиту.

1. Утверждается, что вред является неотъемлемым компонентом объективной действительности, находящей свое отражение в разнородных сферах бытия и областях знаний.

Вред коррелирует с таким понятием, как «зло». Их отождествление нашло свое отражение в дуализме категорий «добро – зло» и производных от них феноменов: благо, польза, ценность с одной стороны и вред с другой. Тем самым вред выступает в качестве антипода полезности для индивида, группы, общества. Репрезентируемая в философских учениях реальность и постоянство наличия вреда подтверждаются генезисом его нормативной регламентации.

В юридическом континууме вред служит негативным социальным регулятором, посредством которого государство устанавливает границы должного или возможного поведения, отклонение от которых служит девиацией, влекущей причинение вреда.

Правовая регуляция вреда призвана определить вред как универсальный ориентир отрицательного характера, что необходимо для потенциального предотвращения его наступления либо минимизации и устранения.

2. Обосновывается, что детерминантой появления самого понятия «вред» в праве служит закрепление в нормативных предписаниях таких фундаментальных юридических дефиниций, как «вина», «возмещение», «наказание», «ответственность», «порядок». Между тем некоторые из них выступают как основополагающее условие констатации вреда (вина); другие подразумевают реакцию на наступление вреда (ответственность, наказание, возмещение); остальные представляют собой объект деструктивного воздействия вреда (порядок). В названном контексте восприятие вреда в праве как исключительно негативного явления достаточно типично для правовых систем различных государств вне зависимости от темпорального периода.

Эволюция семантического содержания слова «вред» претерпевает длительную трансформацию от узкого определения, связанного с причинением сугубо материального или (и) соматического вреда, к многоаспектной дефиниции, охватывающей информационный, моральный, психологический, экологический, экономический вред.

Специфика появления понятия «вред» в отечественном законодательстве была обусловлена замещением традиционных обычаев кровной мести. Догматы сакральных представлений эпохи Древней Руси устанавливали основные ценностные приоритеты в определении степени наносимого вреда (статус лица, вид вреда, мера наказания).

На современном этапе вред в праве характеризуется перманентным расширением своих форм, свойств и качеств. Он отличается дуалистической природой, которая зависит от тесной корреляции субъекта и объекта вреда.

3. Постулируется, что *вред в праве* – феномен отрицательного свойства, олицетворяющий негативные последствия, направленные на умаление блага, пользы, ценности и нивелирования их качеств, вызываемый юридически значимым деянием, в доминанте своей характеризующимся противоправностью, виновностью, ответственностью.

Дефиниция «вред» в праве предполагает градацию его признаков на обязательные и факультативные.

Обязательные признаки присущи абсолютно для любого вреда, подпадающего под правовую регламентацию. В их число входят: а) воплощение в качестве негативных последствий для ценностных ориентиров; б) обращение на благо и деградация его полезности; в) наличие причинно-следственной связи между деянием и вредом как последствием.

К факультативным признакам вреда относятся противоправность, виновность, ответственность. Особенностью факультативных признаков вреда служит то, что в юридической практике они имеют превалирующее значение, типичны для норм большинства отраслей права, регулирующих вред, преобладают в количественном отношении.

4. Дедуцируется, что вред в праве может рассматриваться в качестве юридической категории в паре с пользой.

Парность вреда и пользы доказывается их неотделимостью друг от друга, поскольку вред всегда минимизирует либо полностью аннулирует полезность того блага, на которое он направлен. При некоторых условиях вред может потенциально трансформироваться в пользу, которая, напротив, преобразовывается во вред.

Негативность вреда и положительность пользы позволяют фиксировать их взаимоотрицание как сугубо противоположных явлений.

Взаимопроникновение вреда и пользы состоит в том, что нельзя констатировать вред, если он не нанесен пользе. Польза служит критерием ценности блага, которому причиняется вред.

Неравноценность вреда и пользы заключается в том, что польза относится к позитивным феноменам, подтверждающим надлежащую правовую регуляцию, в которую вред привносит подразумеваемую им отрицательность. При этом юридическая регламентация вреда более детализирована, установлены формы проявления и упорядочены критерии его классификации.

5. Иллюстрируются многозначность понятия вреда в праве и неоднородность форм его выражения. Вред выступает как базовая универсальная категория, производными которой могут служить ущерб, убыток, порча.

Ущерб – форма вреда, выражающаяся в потере или ухудшении имущества либо блага, которые могут быть оценены в денежном эквиваленте.

Убыток – форма вреда, представляющая собой часть нанесенного ущерба, который выражается в денежном эквиваленте при определении необходимых средств для восстановления нарушенных прав.

Порча – форма вреда, выступающая как подвид ущерба, связанный с нарушением целостности, качества или функциональности объекта, вызванной небрежностью, стихийными бедствиями, злонамеренными действиями.

6. Отмечается, что классификация вреда в праве детерминирует его восприятие как неотъемлемого компонента правовой регуляции, доказывающей его объективность и полиморфичность.

В ходе дифференциации вреда необходимо различать вред, характеризующийся сугубо обязательными признаками, и вред, обладающий как обязательными, так и факультативными признаками. Наличие последних дает основание оценивать юридически значимый вред в качестве однозначного антипода должного правового регулирования.

Классификацию вреда в праве можно проводить, исходя из многочисленных и разнообразных критериев, в частности: а) характер вреда (физический, материальный, нематериальный); б) предмет правового регулирования (административный, гражданский, конституционный, международный, семейный, трудовой, уголовный); в) сфера возникновения вреда (психологический, соматический, социальный, экологический); г) субъект причинения вреда (физическое лицо, юридическое лицо; государство, международная организация, муниципальное образование); д) причина возникновения вреда (преднамеренный или случайный);

- е) возможность компенсации (компенсируемый или некомпенсируемый);
- ж) способ возмещения вреда (денежный, натуральный, смешанный);
- з) причастность к нанесению вреда (опосредованная или прямая).

Классификация вреда позволяет определить специфику его правовой регламентации, содействует уточнению и оптимизации юридических механизмов компенсации и возмещения вреда, способствует нивелированию появления коллизий и пробелов в действующем законодательстве в проекции к вреду.

7. Аргументируется, что вред в праве оценивается в количественных и качественных параметрах.

Мера есть количественная характеристика вреда, определяющая его объем (размер) и вид, обуславливающая правомерность либо противоправность причинения вреда, демонстрируя пределы дозволенного или запрещенного поведения.

Степень – это качественная характеристика вреда, отображающая интенсивность, масштаб, длительность, обратимость, социальную значимость, проявляющиеся при наступлении вреда.

Мера и степень вреда в правовой регламентации общественных отношений позволяют установить формы и виды выражения вреда, выявить опасность вреда, фиксировать условия дозволенности либо запрещенности причинения вреда.

8. Презюмируется, что установление меры и степени вреда обуславливает его восприятие в качестве своеобразного оценочного понятия. Выявление вреда в праве допустимо только при проведении его юридически значимой оценки. Нормативно установленные критерии определения тяжести вреда имеются, но и в них констатируется возможность субъективности суждения.

Превалирующей выступает оценка вреда, зависящая от усмотрения уполномоченного лица, проецирующего собственные умозаключения на факт причинения вреда и делающего соответствующие выводы. Иллюстрацией служат производные от вреда оценочные понятия, такие как моральный вред, значительный вред, существенный вред.

Оценочность вреда, проявляемая в различных его разновидностях, требует точности юридико-лингвистического выражения, необходимой для достижения баланса между абстрактностью и конкретностью нормативных предписаний.

9. Доказывается, что проблемы правотворческой фиксации вреда и реализации норм, его регламентирующих, обусловлены причинами как субъективного, так и объективного плана.

Объективные сложности нормативной упорядоченности вреда детерминированы постоянной динамикой и трансформацией общественных отношений, влиянием факторов, характерных для иных сфер действительности, неизбежным образованием новых форм и видов вреда, невозможностью в целом унифицировать разнообразия жизненных обстоятельств. Это в сочетании с изначально присущей вреду полиморфичностью, изменчивостью, оценочностью, абстрактностью фиксации затрудняет надлежащую правовую регуляцию вреда.

Субъективные недостатки вызваны наличием различных подходов к определению наступления вреда, нечеткостью критериев оценки вреда, противоречиями в нормативной трактовке вреда и правомерностью либо неправомерностью его причинения, трудностями усмотрения причинно-следственной связи между вредом и деянием.

Для преодоления проблем и гармонизации социальных процессов, в которых вред находит свое отражение, предлагаются следующие рекомендации: постоянная актуализация правовых предписаний, регламентирующих вред; разработка критериев оценки вреда с учетом максимально возможной детализации; нормативное определение понятия «вред» и устранение межотраслевых коллизий его восприятия; уточнение пределов содержания вреда как оценочного понятия; использование достижений научно-технического прогресса при юридическом оформлении и эвальной нанесенного вреда.

Обеспечение надлежащей эффективной регламентации отношений, в которых вред находит свое воплощение, требует учета методологии оценки вреда в праве, положений национального и международного законодательства, результатов судебной практики.

Теоретическая значимость работы. Диссертационное исследование приумножает знания о вреде как особом юридическом феномене. Философское осмысление вреда обуславливает расширение сведений об аксиологической и онтологической сущности ценностных ориентиров и их корреляции с социокультурными установками конкретного общества. Предложенная в работе дефиниция «вред», его отличительные признаки и критерии классификации способствуют углубленному познанию природы вреда в отраслевых юридических науках.

Фиксация вреда в нормативных предписаниях и его объективное присутствие в общественных отношениях детерминируют корреляцию с такими традиционными понятиями, как «злоупотребление правом», «правонарушение», «правопорядок», «юридическая ответственность», что влечет необходимость их дальнейшего изучения и некоторого переосмысления.

Немаловажное теоретическое значение имеют умозаключения о соотношении вреда с близкими, но не с однозначно тождественными лексемами (порча, убыток, ущерб). Равным образом освещение специфики вреда порождает акцентирование внимания на антагонистах вреда, а именно на благе, пользе, ценности.

Практическая значимость работы. Актуальность темы диссертационного исследования предопределяет его практическую значимость. Раскрытие специфики правотворческой объективации и реализации вреда концентрирует внимание на оценочном содержании рассматриваемой дефиниции, что потенциально расширяет возможности в достижении баланса между абстрактностью и конкретностью, определенностью и неопределенностью нормативных предписаний, регламентирующих общественные отношения, возникающие в связи и по поводу наступления вреда.

В работе отмечаются реально существующие проблемы, возникающие в ходе закрепления юридических норм, регулирующих проявления вреда, а также сложности практического плана, вызванные требованиями их реализации.

Презюмируемые суждения о количественных и качественных характеристиках вреда, раскрываемых через призму меры и степени, создают предпосылки для нивелирования злоупотребления правом.

Предложенные рекомендации практического плана будут обеспечивать эффективную оценку и стратификацию юридических казусов, а также позволят надлежащим образом разрешить погрешности правотворческой и правореализационной деятельности, сопряженной с наличием вреда.

Дидактическая значимость диссертации заключается в возможности использования выводов в процессе преподавания специальных разделов таких курсов, как «Теория государства и права», «Проблемы теории государства и права», «Юридическая техника», и иных учебных дисциплин.

Апробация результатов исследования. Основные выводы и умозаключения по заявленной теме диссертации опубликованы в 15 научных трудах. Среди них 9 статей в журналах, рекомендованных ВАК при Минобрнауки России.

Ключевые положения приведены на таких научных мероприятиях, как: международная научно-практическая конференция «Правовые ценности: формирование, эволюция, функции», посвященная памяти профессора В.М. Курицына (г. Москва, 21–22 декабря 2023 г.); VI Всероссийская научно-практическая конференция «Социальные институты в правовом измерении: теория и практика» (г. Иркутск, 25 апреля 2024 г.); XXVI Международный научно-практический форум «Юртехнетика», проводимый в формате

круглого стола и в жанре дискуссионного клуба, на тему «Эксперимент в правовом регулировании (доктрина, практика, техника)» (г. Нижний Новгород, 25–28 сентября 2024 г.); международная научно-практическая конференция «Гісторыка-тэарэтычнае асэнсаванне дасягненняў прававой навукі: пераемнасць, стан і перспектывы», посвященная 80-летию со дня рождения доктора юридических наук, профессора Т.И. Довнар (г. Минск, 17–18 октября 2024 г.); международная научная конференция «Актуальный вектор государственно-правовых исследований: правовое сотворчество публичной власти и гражданского общества как форма коммуникации в политике и праве (история, социально-политическая и юридическая теория, практика, технология)» (г. Тамбов, 23–24 апреля 2025 г.).

Обсуждение и рецензирование диссертации проводилось на кафедре теории государства и права ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия».

Структура диссертации обусловлена обозначенными ранее целью и задачами, содержит такие компоненты, как введение, две главы, последовательно подразделяющиеся на три параграфа, третья глава без дифференциации, заключение, список использованной литературы и источников.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность темы диссертации, устанавливается степень научной разработанности заявленной проблемы, раскрываются объект, предмет, цель и задачи исследования, уточняется методологический, теоретический, нормативный и эмпирический базис, приводятся доводы о научной новизне работы, формулируются положения, выносимые на защиту, аргументируется теоретическое и практическое значение исследования, излагаются результаты апробации полученных выводов.

Первая глава «Общетеоретическая характеристика вреда» сформирована тремя параграфами, в которых обосновывается достоверность существования вреда в многоплановых сферах общественного бытия, освещается историческая трансформация представлений о природе вреда в контексте различных философско-правовых учений, детализируются особенности становления понятия «вред» в зарубежном и российском законодательстве.

В первом параграфе первой главы **«Вред как компонент объективной реальности»** резюмируется, что вред является неотъемлемым компонентом объективной действительности и присутствует в разнородных сферах жизни.

Отмечается, что понятие «вред» имеет деструктивный характер, подтверждаемый глобальной диссеминацией во всевозможных аспектах социального бытия, в частности астрономии, географии, информатике, медицине, политологии, праве, психологии, социологии, философии, экологии, экономике, этике.

В свою очередь, наиболее значимым сегментом воплощения вреда служит правовое регулирование, так как именно в нем вред обретает однозначную роль антипода полезности для индивида, группы, общества, государства. Право определяет вред как исключительно неблагоприятное явление, конкретизируя и дефинируя его в зависимости от отраслевой специфики. Перечень отраслей права, оперирующих словом «вред», очень обширен, что иллюстрируется примерами из административного, гражданского, конституционного, международного, семейного, трудового, уголовного права.

Нормативная регуляция вреда призвана позиционировать вред как универсальный ориентир отрицательного свойства, что детерминирует необходимость потенциального предотвращения его наступления либо минимизации и устранения.

Понятие «вред в праве» отличается амбивалентным содержанием, которое репрезентируется в возможной инверсии субъекта и объекта, их тесной корреляции друг с другом. В разные временные этапы нормы права модифицировались под влиянием тех или иных условий, в том числе представлений о том, что следует воспринимать в качестве вреда и его разновидностей.

В правовой регламентации, вне контекста от обстоятельств, условий исторической эпохи и мировоззренческих представлений указанная языковая единица постоянно демонстрирует свою относительность в проекции к его точной формулировке, зависимость от окружающих компонентов объективной реальности. Неизменной остается лишь оценка вреда как сугубо негативного фактора.

В итоге констатируется, что в юридическом континууме вред служит отрицательным социальным регулятором, посредством которого государство фиксирует границы должного или возможного поведения, отклонение от которых служит девиацией, влекущей причинение вреда.

Во втором параграфе первой главы **«Генезис философско-правовых представлений о вреде»** раскрывается специфика процесса развития идеологических установок о природе вреда, уточняются и освещаются этапы философского осмысления самого понятия «вред».

Аргументируется, что лексема «вред» непосредственно коррелирует с таким понятием, как «зло», соотносясь с ним в альтернативных вариациях. Превалирующей точкой зрения служит то, что зло и вред используются

в качестве синонимов: вред автоматически воспринимается как зло и наоборот. Непротиворечащей, но уточняющей позицией выступает представление о причинно-следственной связи зла и вреда. Как правило, детерминантой вреда является зло, однако могут возникать казусы, при которых наступление вреда предшествует констатации свершившегося зла.

Доминирование идеи об отождествлении зла и вреда нашло свое отражение в утверждении о дуализме целого ряда базовых категорий. Прежде всего в качестве антагонистов рассматриваются зло, подразумевающее собой вред, и добро, интегрирующее в себе такие производные от него феномены, как благо, польза, ценность. Тем самым подтверждается наличие бесспорных противоположностей: зла и, соответственно, вреда, с одной стороны, и добра, с другой.

Между тем непосредственная корреляция вреда со злом, олицетворение вредом очевидной отрицательности порождает повышенный интерес к нему со стороны представителей различных философских течений.

Обосновывается, что трансформация взглядов на онтологию вреда в философско-исторической парадигме условно проходит четыре ключевых этапа: античного, средневекового, нового периода, и новейшего времени.

Античная эпоха иллюстрирует понятие вреда в формате разрушительного действия, направленного на попрание принципов разумности, справедливости, добродетели (Аристотель, Демокрит, Платон, Сократ). Именно в данное время происходят первые попытки нормативного оформления вреда, отражающего его трансформацию из морально-этической сферы в область правового регулирования, в которой вред неразрывно связан с юридической ответственностью.

В отличие от цивилизации Античности, где центральным благом всегда выступала личность, для Древнего Востока, напротив, присущ примат общественного начала над частным. В связи с этим понятие «вред в праве» было полностью интегрировано в нравственные ориентиры. В китайской философской мысли, несмотря на различия конфуцианства и легизма, вред воспринимался как деяние, вносящее разлад в принцип гармонии морали, правил, социума. В Индии вред определялся как проступок души, наносящий ущерб общему благу.

Для Средневековья характерна опора на религиозные воззрения при разрешении вопроса о вреде и его сущности. В данный период вред прежде всего сопряжен с грехом, считающемся показателем порочного человеческого естества, ориентированного на нарушение божественных законов (А. Августин, аль-Фараби, Ф. Аквинский, М. Падуанский). Вред в подобной трактовке становится порождением греха и его обязательным спутником.

Новое время ознаменовало формирование представлений о понятии «вред» под влиянием создания новых правовых концепций (И. Бентам, Т. Гоббс, Дж. Локк, Д.С. Милль). В обозначенный период под вредом подразумевается нарушение личных прав, свобод, законных интересов, которые должны охраняться посредством государственного принуждения.

Новейшее время символизируется осмыслением понятия «вред» в контексте его многогранности при нарушении социально-культурных условий жизни (Дж. Ролз).

Отмечается, что в отечественной юридической науке вред подвергался теоретическому осмыслению. На основе изучения факторов, связанных с последствиями от вреда, указывается его основополагающая роль в фиксации противоправности действия или бездействия лица (Н.Н. Вопленко, Н.С. Малеин, Г.В. Мальцев, Т.Н. Радько, Л.П. Рассказов).

Акцентируется внимание на том, что имплементация понятия «вред» в государственно-правовую действительность осуществляется благодаря социокультурным установкам конкретного общества. В этом как раз и заключается одна из основных детерминант образования философско-правовых концепций о восприятии вреда как феномене отрицательного свойства и роли государства в его нормативной фиксации, а равно превенции, минимизации и устранении.

В третьем параграфе первой главы **«Эволюция образования понятия “вред” в зарубежном и российском законодательстве»** доказывается, что репрезентируемая в философских учениях реальность и постоянство наличия вреда подтверждаются генезисом его юридической регламентации.

Устанавливается, что детерминантой возникновения самого понятия «вред в праве» служит закрепление в нормативных предписаниях таких фундаментальных юридических дефиниций, как «вина», «возмещение», «наказание», «ответственность», «порядок». Некоторые из них выступают как основополагающее условие констатации вреда (вина); другие подразумевают реакцию на наступление вреда (ответственность, наказание, возмещение); остальные представляют собой объект деструктивного воздействия вреда (порядок). В названном контексте восприятие вреда в праве как исключительно негативного явления достаточно типично для правовых систем различных государств вне зависимости от темпорального периода.

Эволюция семантического содержания слова «вред» претерпевает длительную трансформацию от узкого определения, связанного с причинением сугубо материального или (и) соматического вреда, к многоаспектной дефиниции, охватывающей информационный, моральный, психологический, экологический, экономический вред.

Первичное появление в праве самого понятия «вред» обусловлено его имплементацией в основы правовой регуляции стран Древнего мира. Активное включение данного термина в юридические предписания связано прежде всего с такими государствами, как Египет, Вавилонское царство, греческие полисы, Рим.

Источники права названных держав, в контексте юрико-лингвистического анализа, наглядно иллюстрируют многозначность лексемы «вред», находящей воплощение в разных словарных единицах, отражающих те или иные аспекты вреда.

Аргументируется, что интенсивное распространение понятия вреда как правового феномена в средневековой Европе сопряжено с появлением принципов компенсации за возмещение материального вреда. В указанный период вред преимущественно рассматривался в контексте феодальных отношений, где вассал (или иной зависимый субъект) обязан возместить убытки своему сюзерену или другим членам общества.

Нормативное закрепление непосредственно слова «вред» было введено Кодексом Наполеона 1804 г. Этот правовой акт создал основу для оформления доктрины ответственности за вред, основанной на вине физических и юридических лиц. Данное положение было внедрено в законодательство иных государств, в частности в гражданское право Германской империи, связывающей вред с повреждениями, страданиями, виновными и противоправными действиями и обязательной реституцией.

По мере развития правовых систем и совершенствования правовой регламентации вреда концепция о его сущности и формах выражения стала более уточненной и кодифицированной. Изменяющиеся социокультурные, в том числе юридические факторы, задавали вектор для повсеместного использования словосочетания «нематериальный вред», которое становится важным элементом защиты прав личности и добросовестности в обществе. Актуальная и в настоящее время тенденция объективизации нематериального вреда получила наибольшую динамику в США с последующей экспансией в нормативные акты иных государств.

В отличие от зарубежного законодательства специфика появления понятия «вред» в отечественном праве была обусловлена замещением традиционных обычаев кровной мести. Догматы сакральных представлений эпохи Древней Руси устанавливали основные ценностные приоритеты в определении степени наносимого вреда (статус лица, вид вреда, мера наказания).

Одним из самых ранних законодательных актов, закрепляющих положения о компенсации вреда, стала Псковская судная грамота. В данном документе закреплялась ответственность за причиненный ущерб, способы

его взыскания в зависимости от обстоятельств дела, критерии для определения размера вреда (материальные потери, нематериальный ущерб). В дальнейшем в Судебнике Ивана III 1497 г. фактически отменялась кровная месть посредством введения правил об обязательном возмещении как материального, так и морального вреда, причиненного другим лицам.

Сводом Законов Российской империи оптимизировалась правовая регуляция вреда. Предусматривались меры по пресечению злоупотребления правом на возмещение вреда и предоставления возможности для начала судебного разбирательства относительно таких споров. Обеспечивались меры по защите прав граждан на сохранение имущества и здоровья и обеспечение возможности справедливого возмещения вреда.

Установление Советской власти первоначально не внесло каких-либо значимых корректив в определение изучаемого феномена за исключением некоторых сугубо идеологических аспектов. В дальнейшем жесткая политическая конъюнктура предельно расширила понятие «вред», коррелируя его со словом «вредительство», подразумевая любые действия или высказывания, которые могли представлять угрозу для политического строя. Смягчение репрессивных начал законодательства в проекции к вреду привело к реверсии классической парадигмы восприятия вреда.

На современном этапе вред в отечественном праве характеризуется перманентным расширением своих форм, свойств и качеств. Он отличается дуалистической природой, которая зависит от тесной взаимосвязи субъекта и объекта вреда. Подобная лабильность понятия «вред» продиктована неизбежной трансформацией права и государства под влиянием урбанизации, глобализации, внедрения цифровых технологий и достижений биомедицины.

Вторая глава «Вред как общеправовой феномен» включает в себя три параграфа, в которых проводится дефинирование понятия «вред», устанавливаются обязательные и необязательные признаки вреда, уточняется видовое разнообразие вреда в праве и основания его классификации, раскрываются количественные и качественные характеристики вреда.

В первом параграфе второй главы **«Дефиниция и отличительные признаки вреда в праве»** формулируется определение вреда в праве, аргументируется наличие неотъемлемых и факультативных признаков вреда в праве.

Заявляется, что юрико-лингвистическая природа слова «вред» коррелирует с такими родственными лексемами, как «вредительность», «вредительство», «вредить», «вредность», «вредоносность», «вредотворность». Их единство детерминировано семантическим ядром первичного понятия «вред», а различия состоят в стилистике использования, контексте употребления и оттенках смыслового значения.

Утверждается, что вред в праве может рассматриваться в качестве юридической категории, парной с пользой.

Парность вреда и пользы доказывается их неотделимостью друг от друга, поскольку вред всегда минимизирует либо полностью аннулирует полезность того блага, на которое он направлен, и, соответственно, уменьшает его ценность. При некоторых условиях имеются вариации, когда вред может потенциально трансформироваться в пользу, а польза, напротив, преобразовываться во вред.

Негативность вреда и положительность пользы позволяют фиксировать их взаимоотрицание как сугубо противоположных явлений.

Взаимопроникновение вреда и пользы состоит в том, что нельзя констатировать вред, если он не нанесен пользе. Польза служит критерием ценности блага, которому причиняется вред.

Неравноценность вреда и пользы заключается в том, что польза относится к позитивным феноменам, подтверждающим надлежащую правовую регуляцию, в которую вред привносит подразумеваемую им отрицательность. В связи с этим юридическая регламентация вреда более детализирована, в частности установлены формы проявления и упорядочены критерии его классификации.

Диалектические феномены «вред/польза» носят предельно абстрактный характер, обобщая и понятийно интегрируясь в целый ряд основополагающих юридических дефиниций: «злоупотребление правом», «правомерное поведение», «правонарушение», «правопорядок», «субъективное право», «юридическая обязанность», «юридическая ответственность».

Иллюстрируемая многозначность понятия «вред в праве» и неоднородность форм его выражения детерминирует вред как базовую универсальную категорию, производными которой могут служить ущерб, убыток, порча.

Ущерб – форма вреда, выражающаяся в потере или ухудшении имущества либо блага, которые могут быть оценены в денежном эквиваленте.

Убыток – форма вреда, представляющая собой часть нанесенного ущерба, который выражается в денежном эквиваленте при определении необходимых средств для восстановления нарушенных прав.

Порча – форма вреда, выступающая как подвид ущерба, который связан с нарушением целостности, качества или функциональности объекта, вызванная небрежностью, стихийными бедствиями, злонамеренными действиями.

Подразумевается, что предложенный перечень не носит закрытого характера, может включать в себя иные компоненты (например, повреждение, урон и т.п.). Градацию форм проявления вреда можно проводить по многочисленным и разнообразным критериям. Несмотря на очевидное гносеологическое значение подобной дифференциации, она не влияет на само восприятие вреда как негативного феномена и предложенные магистральные формы его воплощения.

Сложность, неоднозначность, объемность понятия «вред в праве» обуславливает существование конгломерата характеризующих его признаков, но и деление их на обязательные и факультативные.

Обязательные признаки присущи абсолютно для любого вреда, подпадающего под юридическую регламентацию. Отсутствие констатации хотя бы одного из перечисленных признаков не позволяет констатировать наличие вреда в праве. В число таких признаков входят: а) воплощение в качестве негативных последствий для ценностных ориентиров; б) обращение на благо и деградация его полезности; в) наличие причинно-следственной связи между деянием и вредом как последствием.

К факультативным признакам вреда относятся противоправность, виновность, ответственность. Указанные признаки факультативны потому, что вред в праве может быть установлен и при их отсутствии. Отличительной особенностью факультативных признаков служит то, что они в юридической практике имеют превалирующее значение, типичны для норм большинства отраслей права, регулирующих вред, преобладают в количественном отношении.

На основе сказанного предлагается авторская дефиниция понятия «вред в праве».

Вред в праве – феномен отрицательного свойства, олицетворяющий негативные последствия, направленные на умаление блага, пользы, ценности и нивелирования их качеств, вызываемый юридически значимым деянием, в доминанте своей характеризующимся противоправностью, виновностью, ответственностью.

Во втором параграфе второй главы «**Классификационные основания вреда в праве**» определяется перечень стратифицирующих параметров, посредством которых возможно осуществлять систематизацию разнообразных вариаций вреда в праве.

Отмечается, что классификация детерминирует восприятие вреда как неотъемлемого компонента правовой регуляции, доказывающей его объективность и полиморфичность.

В процессе разграничения вреда на виды и подвиды необходимо прежде всего различать вред, характеризующийся сугубо обязательными признаками, и вред, обладающий как обязательными, так и факультативными

признаками. Именно наличие последних дает основание оценивать юридически значимый вред в качестве однозначного антипода должного правового регулирования.

Эксплозивное многообразие феномена «вред» в различных правовых сферах детерминировано гиперболизированной вариабельностью данного явления. Архитектоника классифицирующих оснований доказывает, что лейтмотивом построения теоретической концепции о вреде в праве, включающей его дифференциацию, должна выступать такая неотъемлемая черта права, как формальная определенность.

Тем самым при градации вреда в праве необходимо опираться на отражение его регуляции в юридических нормах, воплощаемых генеральным образом в нормативных правовых актах.

Соответственно, вред в праве можно классифицировать следующим образом: а) характер вреда (физический, материальный, нематериальный); б) предмет правового регулирования (административный, гражданский, конституционный, международный, семейный, трудовой, уголовный); в) сфера возникновения вреда (психологический, соматический, социальный, экологический); г) субъект причинения вреда (физическое лицо, юридическое лицо, государство, международная организация, муниципальное образование); д) причина возникновения вреда (преднамеренный, случайный); е) возможность компенсации (компенсируемый, некомпенсируемый); ж) способ возмещения вреда (денежный, натуральный, смешанный); з) причастность к нанесению вреда (опосредованная, прямая).

Названные критерии не могут считаться исчерпывающими. В частности, формы проявления вреда, о которых упоминалось ранее, также следует относить к основаниям деления его на виды. Равным образом, помимо выражения вреда в нормативных актах, его можно группировать в иных источниках права, например в правовых обычаях либо договорах с нормативным содержанием. Вместе с тем излишнее расширение стратификационных параметров не является самоцелью, поскольку детерминирует девальвацию классификации, сводя ее к сугубо описательному характеру.

Классификация вреда в праве должна обуславливать четкое определение специфики его юридической регламентации, содействовать уточнению и оптимизации юридических механизмов компенсации и возмещения вреда, способствовать нивелированию появления коллизий и пробелов в действующем законодательстве в проекции к вреду.

В третьем параграфе второй главы **«Мера и степень вреда в праве»** устанавливается, что юридическая дискреция вреда основывается на анализе его количественных и качественных показателей, которые могут иметь различные варианты объективации.

Доказывается, что вред в праве характеризуется количественными и качественными параметрами, обозначаемыми как мера и степень.

В самом общем виде под мерой следует воспринимать количественную определенность качества. Она устанавливает границы, в которых то или иное свойство (качество) остается неизменным.

Мера имеет множество аспектов применения в зависимости от сферы реальности, в том числе и в праве. Мера в юридическом континууме должна отличаться конкретизированностью и предсказуемостью, что дает возможность спрогнозировать правомерность либо противоправность соответствующих деяний.

В проекции к вреду, как правовому феномену, стоит утверждать либо о мерах дозволения при правомерном причинении вреда, либо при констатации противоправности о мерах ограничительного плана, воплощающихся в мерах юридической ответственности, наказания, пресечения.

Мера вреда обусловлена апперцепцией вреда, однозначно понимаемого как свершившиеся негативные последствия. Следует обратить внимание на то, что именно мера вреда отражает его объем, вид, а также размер.

Тем самым мера выступает той величиной, которая позволяет квантифицировать вред в относительно конкретные единицы измерения, прежде всего, такие как денежные суммы, временные интервалы, физические параметры. Несмотря на кажущуюся однозначность указанных критериев на практике часто возникают трудности с компенсацией морального вреда, оценочностью понятий «значительный ущерб», «существенный вред» и т.п.

Аргументируется, что мера вреда в праве доминирующим образом влияет на его дифференциацию. Подобное объясняется многообразием самой меры вреда, находящей свое реальное воплощение в характере вреда, отраслевой регламентации, субъекте причинения, возможности и способе возмещения и некоторым иным факторам, главным из которых является отнесение вреда к правомерному или противоправному. Не следует при этом отождествлять основания классификации вреда и меры, поскольку, несмотря на теснейшую взаимосвязь последних, они могут различаться, что детерминировано соотношением вреда как феномена в целом и меры как одной из его характеристик.

Таким образом, *мера* есть количественная характеристика вреда, определяющая его объем (размер) и вид, обуславливающая правомерность либо противоправность причинения вреда, демонстрируя пределы дозволенного или запрещенного поведения.

В свою очередь, степень вреда олицетворяет его качественные показатели.

Отмечается, что слово «степень» (от лат. *gradus*) означает «ступень» или «уровень». Степень является многогранным и универсальным понятием, задействованным в математике, медицине, физике, социологии, химии, экологии, экономике, а также во многих других сферах. Безусловно, степень наличествует в арсенале права, выступая специфическим юридическим инструментарием.

Степень в праве применяется для анализа интенсивности, уровня или масштаба правовых явлений, процессов и их последствий. В механизме правового регулирования она способствует эффективной оценке и стратификации произошедших казусов. Подобное обуславливает разноплановость оснований градации понятия «степень» в праве.

В частности, выделяется степень вины, ответственности, риска, защиты прав человека, утраты профессиональной трудоспособности, общественной опасности, общественной вредности, родства, вреда. Своеобразие последней заключается в том, что она тем либо иным образом взаимосвязана со всеми перечисленными юридически значимыми разновидностями степени.

Степень вреда в праве служит качественной характеристикой тяжести негативных последствий, отражающая влияние причиненного вреда. Своеобразие степени вреда выражается в том, что она во многом детерминирована релевантными требованиями, исходящими от иных областей знаний, получившими при этом свое нормативное оформление. Иллюстрируется обусловленность определения степени тяжести вреда здоровью или экологическому ущербу, соответственно, медицинскими либо природоохранными параметрами.

Обосновывается, что диагностика и учет степени вреда в праве базируется на следующих принципах: объективность, сравнимость, эмпирическая связь, привлечение специальных экспертов, учет нормативных предписаний, соблюдение правил этики и морали.

Для установления и оценки степени вреда предлагаются несколько критериев, которые могут варьироваться в зависимости от сферы применения. К ним относятся: 1) *интенсивность* – заключается в констатации изменений, вызванных нанесением вреда; 2) *масштаб* – выражается в диапазоне распространения вреда; 3) *длительность* – состоит в определении темпорального периода существования вредных последствий;

4) *обратимость* – олицетворяет возможность устранения; 5) *социальная значимость* – воплощается в реакции общества и государства на совершенное вредное деяние.

В итоге резюмируется, что *степень* – это качественная характеристика вреда, отображающая его интенсивность, масштаб, длительность, обратимость, социальную значимость, проявляющиеся при наступлении вреда.

Мера и степень вреда в праве представляют собой его количественные и качественные характеристики, обуславливающие правомерность либо противоправность причинения вреда, объем (размер) и вид, интенсивность, масштаб, длительность и обратимость, социальную опасность.

Третья глава «Проблемы правовой регуляции вреда и пути их устранения» не разделена на параграфы и содержит перечень проблем правотворческой имплементации понятия «вред» и реализации закрепляющих его норм, анализ вреда в праве как оценочного понятия, рекомендации по надлежащему упорядочиванию тех отношений, в которых вред находит свое воплощение.

Доказывается, что проблемы правотворческой фиксации вреда и реализации регламентирующих его норм обусловлены причинами как субъективного, так и объективного плана.

Объективные сложности нормативной упорядоченности вреда детерминированы постоянной динамикой и трансформацией общественных отношений, влиянием факторов, характерных для иных сфер действительности, неизбежным образованием новых форм и видов вреда, невозможностью в целом унификации разнообразия жизненных обстоятельств. Это в сочетании с изначально присущей вреду полиморфичностью, изменчивостью, оценочностью, абстрактностью фиксации затрудняет надлежащую правовую регуляцию вреда.

Субъективные недостатки вызваны наличием различных подходов к определению наступления вреда, нечеткостью критериев оценки вреда, противоречиями в нормативной трактовке вреда и правомерностью либо неправомерностью его причинения, трудностями усмотрения причинно-следственной связи между вредом и деянием.

Отмечается, что понятие «вред» объективируется в источниках права как компонент специальной нормативной конструкции, регламентирующей юридически значимые (в контексте вреда – сугубо негативные) последствия.

Сложности, возникающие в ходе правотворческой фиксации вреда, заключаются также в коллизионности юридических предписаний различной отраслевой принадлежности, неточности формулировок об объекте либо субъекте вреда, нехватке должного баланса между мерой и степенью вреда, с одной стороны, ответственностью и наказанием, с другой.

Злободневной проблемой, отчасти инкорпорирующей названные трудности, служит отсутствие жесткой регламентации лексического изложения понятия «вред» в нормативном тексте. Подобное вызвано тем, что вред в праве как самобытное оценочное понятие проявляется сквозь призму целого ряда языковых единиц, что детерминирует его репрезентацию в правотворческой деятельности и находит свое дальнейшее отражение в правореализации.

Обосновывается, что установление меры и степени вреда обуславливает его восприятие в качестве своеобразного оценочного понятия. Выявление вреда в праве допустимо только при проведении его юридически значимой оценки, в доминанте зависящей от усмотрения уполномоченного лица, проецирующего собственные умозаключения на факт причинения вреда и делающего соответствующие выводы.

Императивные критерии определения тяжести вреда, как было показано ранее, имеются, но даже в них констатируется некоторая возможность субъективности суждения.

Диалектический антагонизм определенности и неопределенности права имплицитно проецируется при юридической регламентации понятия «вред».

Использование таких оценочных словосочетаний, как «моральный вред», «значительный вред», «существенный вред», «физические и нравственные страдания», требует точности юридико-лингвистического выражения, необходимой для достижения баланса между абстрактностью и конкретностью нормативных предписаний.

Оценочность вреда, проявляемая в различных его разновидностях, требует выверенности юридико-лингвистического выражения для достижения необходимой сочетаемости абстрактности и конкретности нормативных предписаний.

Для преодоления проблем и гармонизации социальных процессов, в которых вред находит свое отражение, предлагаются следующие рекомендации: постоянная актуализация правовых предписаний, регламентирующих вред; разработка критериев оценки вреда с учетом максимально возможной детализации; нормативное дефинирование понятия «вред» и устранение межотраслевых коллизий его восприятия; уточнение пределов содержания вреда как оценочного понятия; использование достижений научно-технического прогресса при юридическом оформлении и эвальвации нанесенного вреда.

Обеспечение надлежащей эффективной регламентации отношений, в которых вред находит свое воплощение, требует учета методологии оценки вреда в праве, положений национального и международного законодательства, результатов судебной практики.

В **заключении** обозначены общие выводы по исследовательской работе, где освещаются возможные векторы дальнейшего развития диссертационной тематики в контексте наличия перспективных тенденций совершенствования права и актуальных проблем понятия «вред» в юридической действительности.

По теме диссертации автором опубликованы следующие работы:

*Статьи в рецензируемых научных изданиях,
рекомендованных Высшей аттестационной комиссией
при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации*

1. Королева, Е.С. Вред как общеправовой феномен / Е.С. Королева // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2023. № 10. С. 97–101. (0,5 п.л.).
2. Королева, Е.С. Междисциплинарный подход к изучению понятия вреда / Е.С. Королева // Право и государство: теория и практика. 2024. № 3 (231). С. 99–101. (0,5 п.л.).
3. Королева, Е.С. Эволюция понятия вреда в правовых системах зарубежного и российского законодательства / Е.С. Королева // Евразийский юридический журнал. 2024. № 9 (196). С. 85–86. (0,4 п.л.).
4. Королева, Е.С. Историко-правовая эволюция концепций о юридическом вреде / Е.С. Королева // Genesis: исторические исследования. 2024. № 12. С. 106–118. (0,5 п.л.).
5. Королева, Е.С. Правовая природа вреда: определение и ключевые признаки / Е.С. Королева // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2025. № 5 (166). С. 97–102. (0,5 п.л.).
6. Королева, Е.С. Вред в праве: многообразие видов и критерии классификации / Е.С. Королева // Наука. Общество. Государство. 2026. Т. 14, № 1 (53). С. 5–13. (0,6 п.л.).
7. Королева, Е.С. Вред как юридическая конструкция: проблемы правотворческой объективации / Е.С. Королева // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2026. № 1. С. 184–193. (0,6 п.л.).

8. Королева, Е.С. Вред в праве: количественная и качественная характеристика / Е.С. Королева // Пролог: журнал о праве. 2026. № 2 (50). С. 19–28. (0,5 п.л.).

9. Королева, Е.С. Оценочное понятие «вред»: правовые коллизии теории и практики / Е.С. Королева // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2026. № 2 (169). С. 49–54. (0,5 п.л.).

Статьи, опубликованные в иных научных изданиях

10. Королева, Е.С. Вред как антипод правовых ценностей / Е.С. Королева // Правовые ценности: формирование, эволюция, функции: сб. науч. тр. / [сост. К.А. Раков]; Международная научно-практическая конференция (посвященная памяти профессора В.М. Курицына) (Москва, 21–22 декабря 2023 г.). М.: Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2024. С. 209–212. (0,4 п.л.).

11. Королева, Е.С. Правовой вред, причиняемый социальным институтам / Е.С. Королева // Социальные институты в правовом измерении: теория и практика: матер. VI Всероссийской научно-практической конференции (Иркутск, 25 апреля 2024 г.); под общ. ред. М.Г. Тирских, Г.В. Дружинина. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2024. С. 15–21. (0,5 п.л.).

12. Королева, Е.С. Баланс вреда и ценности в правовом государстве / Е.С. Королева // Право. Законодательство. Личность. 2024. № 2 (39). С. 10–14. (0,5 п.л.).

13. Королева, Е.С. Правовой эксперимент как индикатор проявления вреда: прогноз обнаружения и нивелирования / Е.С. Королева // Юридическая техника. 2025. № 19: Материалы XXVI Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Эксперимент в правовом регулировании (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 25–28 сентября 2024 г.) / гл. ред. проф. В.М. Баранов. Н. Новгород: ЮНИКОПИ, 2025. С. 323–326. (0,5 п.л.).

14. Королева, Е.С. Историко-теоретический анализ термина вред и перспективы его исследования / Е.С. Королева // Гісторыка-тэарэтычнае асэнсаванне дасягненняў прававой навукі: пераемнасць, стан і перспектывы: матэрыялы Міжнарод. навук.-практ. канф. (Мінск, 17–18 кастр. 2024 г.) / рэдкал.: Л.Л. Голубева (гал. рэд.) [і інш.]. Мінск: БДУ, 2024. С. 206–210. (0,4 п.л.).

15. *Королева, Е.С.* Вред как правовая категория в контексте взаимодействия публичной власти и гражданского общества: проблемы определения, предотвращения и компенсации / Е.С. Королева // Государственно-правовые исследования: научно-образовательный ежегодник. Вып. 7–8. 2025 (2023/2024, 2024/2025 уч. годы): Актуальный вектор государственно-правовых исследований: правовое сотворчество публичной власти и гражданского общества как форма коммуникации в политике и праве (история, социально-политическая и юридическая теория, практика, технология): материалы Международной научной конференции (Тамбов, 23–24 апреля 2025 г.) / М-во науки и высш. обр. РФ [и др.] ; гл. ред. В.В. Трофимов. Тамбов: ИД «Державинский», 2025. С. 365–369. (0,4 п.л.).